

Саша Чёрный

(1880 – 1932)

На вербе

Солнце брызжет, солнце греет.
Небо – василёк.
Сквозь берёзки тихо веет
Тёплый ветерок.

А внизу всё будки, будки
И людей – что мух.
Каждый всунул в рот по дудке –
Дуй во весь свой дух!

В будках куклы и баранки,
Чижики, цветы...
Золотые рыбки в банке
Раскрывают рты.

Все звончее над шатрами
Вьётся писк и гам.
Дети с пёстрыми шарами
Тянутся к ларькам.

«Верба! верба!» – в каждой лапке
Бархатный пучок.
Дед распродал все охапки –
Ловкий старичок!

Шерстяные обезьянки
Пляшут на щитках.
«Ме-ри-кан-ский житель в склянке
Ходит на руках!!»

Пудель, страшно удивлённый,
Тявкает на всех.
В небо шар взлетел зелёный,
А вдогонку – смех!

Вот она какая верба!
А у входа в ряд –
На прилавочке у серба
Вафельки лежат.

Волк

Вся деревня спит в снегу.
Ни гу-гу. Месяц скрылся на ночлег.
Вьётся снег.

Ребятишки все на льду,
На пруду. Дружно саночки визжат —
Едем в ряд!

Кто — в запряжке, кто — седок.
Ветер в бок. Растянулся наш обоз
До берёз.

Вдруг кричит передовой:
«Черти, стой!» Стали санки, хохот смолк.
«Братцы, волк!..»

Ух, как брызнули назад!
Словно град. Врассыпную все с пруда —
Кто куда.

Где же волк? Да это пёс —
Наш Барбос! Хохот, грохот, смех и толк:
«Ай да волк!»

Что ты тискаешь утёнка?

Что ты тискаешь утёнка?
Он малыш, а ты — большой.
Ишь, задравши головёнку,
Рвётся прочь он всей душой...

Ты представь такую штуку, —
Если б толстый бегемот
Захотел с тобой от скуки
Поиграть бы в свой черёд?

Взял тебя бы крепко в лапу,
Языком бы стал лизать,
Ух, как стал бы звать ты папу,
И брыкаться, и кричать!..

Ты снеси утёнка к утке,
Пусть идёт купаться в пруд,—

Лапы мальчика не шутка,
Чуть притиснешь – и капут.

Воробей

Воробей мой, воробьишка!
Серый-юркий, словно мышка.
Глазки – бисер, лапки – врозь,
Лапки – боком, лапки – вкось...

Прыгай, прыгай, я не трону –
Видишь, хлебца накрошил...
Двинь-ка клювом в бок ворону,
Кто её сюда просил?

Прыгни ближе, ну-ка, ну-ка,
Так, вот так, ещё чуть-чуть...
Ветер сыплет снегом, злюка,
И на спинку, и на грудь.

Подружись со мной, пичужка,
Будем вместе в доме жить,
Сядем рядышком под вьюшкой,
Будем азбуку учить...

Ближе, ну ещё немножко...
Фурх! Удрал... Какой нахал!
Съел все зёрна, съел все крошки
И спасибо не сказал.

Сумерки

Хлопья, хлопья летят за окном,
За спиной тёплый сумрак усадьбы.
Лыжи взять да к деревне удрать бы,
Взбороздив пелену за гумном...

Хлопья, хлопья... Всё глуше покой,
Снег ровняет бугры и ухабы.
Островерхие ели – как бабы,
Занесённые белой мукой.

За спиною стреляют дрова,
Пляшут тени... Мгновенья всё дольше.
Белых пчёлоч всё больше и больше...
На сугробы легла синева.

Никуда, никуда не пойду...
Буду долго стоять у окошка
И смотреть, как за алой сторожкой
Растворяется небо в саду/

Храбрый мальчик

По моей мансардной крыше
Запузыривает дождь.
Я лежу за шкафом в нише,
Плед сползает, в пятках дрожь.
Пусть сползает... Я не Гриша,—
Я ковбойский храбрый вождь!

Шляпа-облако из фетра,
Имя: «Томсон — Дикий Гусь»,
Вмиг — прыжком в четыре метра —
На мустанга я сажусь
И лечу быстрее ветра...
Грянет гром — не обернусь!

На руке спиралью свито
Бесконечное лассо...
По траве шипят копыта,
Стремена, как колесо...
Небо звёздами расшито,
Месяц — светлое серсо.

Враг мой, рыжий Джек-плантатор
Оскорбил меня вчера...
В кабачке ночном «Экватор»
С ним кутил я до утра.
Под навесом ресторатор
Жарил серну у костра.

Джек сказал, что из винтовки
Не попал бы я в орла!
Две мулатки — вот чертовки! —
Рассмеялись из угла.
Хлопнув плетью по циновке,
Я вскочил из-за стола.

Гром и молния! Терпенье...
Пуля первая — орлу.
А вторая... Мщенье, мщенье!
Разве я снесу хулу?!

Послезавтра, в воскресенье,
Будет трупом на полу.

Что там в прерии мелькнуло
Средь метёлок камыша?
Вмиг рука лассо метнула,
Грянул буйвол, не дыша...
Тьфу, свалил часы на стуле!
В пятки прыгнула душа.

Спичек нету! Папа с мамой
На Шаляпина ушли.
Во дворе за тёмной рамой
Плачет дождик: «Пли-пли-пли»...
Под кроватью кот упрямый
С куклой возится в пыли.

Рождественское

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лён Его волос...
Быкдохнул в лицо Младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся, чуть дыша.
Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мямл губой.
Пёс, прокравшись к тёплой ножке,
Полизал её тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть Дитя бочком...
Присмиривший белый козлик
На чело Его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал:
«Посмотреть бы на Ребёнка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предрассветной тишине...
А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!»

Ослёнок

Ты видел, мой мальчик, ослёнка
На ферме у старой сосны,
Где утром заливисто – звонко
Горланит петух со стены?

Стоит он, расставив копытца,
Мохнатый, серьёзный малыш,
И, вскинувши уши, косится
На глухо шипящий камыш.

Оса ли завьётся над мордой,
Густые реснички мигнут
И хвостик, упругий и твёрдый,
Взволнованно щёлкнет, как прут.

Девчонка, чуть дольше напёрстка,
Раскроет восторженно рот, –
Погладит пушистую шёрстку,
Потрётся щекой о живот...

И даже барбос желтозубый,
К помойке свершая свой путь,
Лизнёт его в мягкие губы, –
Ей-богу, нельзя не лизнуть!

Лес солнечной тешит игрою,
Тень вьётся по выступам плит...
Чу! дробная рысь под горою –
Мать с хвостом к ферме спешит.

Мохнатые пляшут гамаши,
Раздулись бока широко:
Так вкусно из тёплой мамыши
Густое тянуть молоко!

Мышиное горе

Ах, как вкусно пахло сало!
В животе моём бурчало –
Есть хотелось страсть.

Я ужасно волновалась
И на цыпочках прокралась
Мышеловке в пасть...

Только носом потянула,
Языком чуть-чуть лизнула,
Хлопс – и я в тюрьме!

Позабыла я про сало –
Волновалась и пищала,
Плакала во тьме.

Бог с ним, с салом, бог с ней – с пищей,
Утром злой придёт котище –
Не видать мне дня!

Чуть откроют только дверцу, –
Он жестокий, он без сердца –
Гам – и съест меня...

Ах, несчастье! Ах, злодейство!
Ах, любимое семейство,
Шестеро мышат...

Я стою на задних лапках,
Нос от прутьев весь в царапках –
Нет пути назад!..

Зимою всего веселей

Зимою всего веселей
Сесть к печке у красных углей,
Лепёшек горячих поесть,
В сугроб с голенищами влезть,
Весь пруд на коньках обежать
И бухнуться сразу в кровать.

Весною всего веселей
Кричать средь зелёных полей,
С барбоской сидеть на холме
И думать о белой зиме,
Пушистые вербы ломать
И в озеро камни бросать.

А летом всего веселей
Вишнёвый обкусывать клей,
Купаясь, всплывать на волну,
Гнать белку с сосны на сосну,
Костры разжигать у реки
И в поле срывать васильки...

Но осень ещё веселей!
То сливы срываешь с ветвей,
То рвёшь в огороде горох,
То взроешь рогатиной мох...
Стучит молотилка вдали —
И рожь на возах до земли...